

Сергей Носачев

Музей шкур

ЛитРес:
Москва

ISBN 978-5-532-95124-2

УДК 82-312.9
ББК 84(2)6
Н84

Носачев С.

Музей шкур / Носачев С. — Москва: ЛитРес, 2022. — 208 с.

ISBN 978-5-532-95124-2

Финалист литературной премии «Лицей». Реализм. Мистический реализм. Юмористический мистический реализм. «Музей шкур» — это сборник из романа и шести рассказов. «Пока я только предчувствую значительность этого вечера. Что-то в нём есть такое, из-за чего я его не забуду. Но сейчас я не могу его распробовать, переварить. Нужно время. Пара месяцев или лет. Как с картиной — нужна правильная точка, чтобы увидеть её верно и полностью». Содержит нецензурную брань.

Содержание

Костёр	6
Честная игра	15
Лес	23
Часть первая	24
Часть вторая	34
1	34
2	37
3	39
4	43
Часть третья	47
1	47
2	49
3	53
4	54
5	56
6	60
7	64
8	68
9	74
Часть четвертая	77
1	77
2	78
3	81
4	83
5	86
6	89

7	93
8	97
9	98
10	102
11	104
12	108
13	108
14	113
15	114
16	120
17	121
18	126
19	131
20	131
21	133
22	138
23	139
24	140
25	141
26	141
27	142
28	143
29	144
30	144
31	144
Часть пятая	148
1	148
2	154

Музей шкур	155
Усталость	174
Профдеформация	184
Мальчик и замок	194

Костёр

Невидимые пятки били в тропинку из фанерных щитов. Гул шагов грозно и безапелляционно нарастал. С каждым новым ударом звуки всё больше походили на тревожный бой индейского барабана.

– Ну вот и всё, – прошептал Костя и с тоской посмотрел на молодую луну. – Кончилось свидание.

Хотел было сразу уйти, но решил выждать. Может, повезёт и пришелец долго здесь не задержится или вообще – пройдет мимо. Грохот сменился едва слышным шорохом – незванный гость перешёл на траву, а значит, скоро проявится. Окрестности, особенно река внизу, тонули в густых тенях, но лысая макушка холма хорошо освещалась по-осеннему ярким звёздно-лунным светом. Костя вглядывался в тёмную кайму поляны. Вот от нее отделилась тень. Свет мгновенно выбелил её. Девушка. Она огляделась (Зачем? Один черт ничего не разглядеть...) и, решив, что она здесь одна, вприпрыжку двинулась к центру поляны. Гостья запрокинула голову и раскинула руки в стороны, словно на ней не было куртки, и небо не дырявили звезды. Костя улыбнулся её непосредственности, но в то же время стало немного неловко подглядывать за странными, даже интимными лунными ваннами.

– Ну, здравствуй, – тихонько проговорила девушка.

– Привет! – не удержался Костя.

Вскрик, нелепый прыжок спиной вперед, попытка развеять густую ночь внимательным взглядом.

– Извините, не хотел напугать.

Костя прыгнул со скалы, на которой сидел, и спешно вышел на свет.

Первый страх прошёл. Девушка достала телефон и беспощадный луч фонаря ударил Косте в лицо.

– Жестоко, – он зажмурился и стал тереть глаза.

– Сами виноваты.

– Это чем же?

– Напугали меня.

– Испугались вы сами. Я просто поздоровался. Будьте добры, убедите.

Девушка продолжала светить Косте в лицо.

– А вдруг вы нападете на меня?

– Если не уберёте – точно нападёт.

Костя вдруг осознал, что рисуется, сам длит эту неприятность. Он развернулся, проморгался и пошел обратно к огромному валуну.

– А фонарь всё же погасите. Раз пришли, то хоть не мешайте, – попросил он, располагаясь на скале.

Девушка переминалась в нерешительности, но всё же выключила фонарь и на поляне вновь возобновилась безмятежная ночь, ещё более тёмная в обожжённых светом глазах.

Костя разглядывал гостью из темноты своего убежища. По коротким скованным движениям девушки было件нятно, что ей неловко и она колеблется – уйти или остаться.

– Зря вы там стоите. Трава уже влажная. Ноги промочите. Заболеваете...

– А можно к вам?

Костя достал телефон и высветил свой пьедестал.

– Забирайтесь.

Хотелось уединения, но именно этим отчасти и привлекало одиночество – что кто-то может застать его за созерцанием бытия, увидеть в нём носителя тяжёлых дум, и восхититься. Неплохо, когда собеседник априори считает, что у тебя может быть своё, обдуманное мнение, когда ты ещё ничего и рта не успел раскрыть. Ты выше. Если человек кажется интересным – ты сносишь, соглашаешься. Нет – с видом оскорбленным оттого, что уединение нарушено, неделикатно просишь оставить тебя, или уходишь...

Девушка была симпатичной, насколько Костя смог её рассмотреть. И голос у неё был приятный по-особому: он как будто был скомпилирован из нескольких давно знакомых голосов, очень близких, и располагал Костю помимо воли.

– Не такой холодный, как я думала.

– Да. Не гранит... и день был солнечный, – зачем-то проговорил очевидное Костя. – Меня зовут Костя.

– Карина.
– Карина, – повторил Костя.
– Да?
– Это... нет. Я просто так. Пробую имя. Карина. Катерина и Ирина.

Карина молча отвернулась и уставилась в темноту. Косте хотелось говорить, но всё, что приходило в голову, казалось банальным и нелепым, куда менее значительным, чем прохладная монументальность и тишина ночи. Стало неудобно. Десять минут назад он смотрел на чёрное пыльное небо, глубоко в него, в космос, путешествовал по этой красоте, занывал в фантазии и воспоминания; этот калейдоскоп так увлекал, что Костя сидел неподвижно, не обращая внимания на затёкшие ноги и задницу. А теперь он думает только о том, уместно ли заговорить? Как понимать её молчание – может, она тоже хочет поговорить и также не решается из стеснения? страха?

Раз за разом он почти решался, но в последний момент трусил. И снова – тишина, духи Карины и её чуть слышное дыхание.

Она зашелестела курткой, заёрзала.

– Всё-таки холодно.

Костя обернулся. Карина подпихнула под себя ладони.

– Встань. На вот, подложи.

Костя приподнялся и растянул из-под себя наст лапника.

У неё было обручальное кольцо, но он всё равно спросил.

– А ты?

– А мне замуж ориентация не позволяет.

– Не смешно.

– Ничуть.

Карина покачала головой.

– Ну и ладно, – демонстративно вздохнул Костя и продекламировал: «Но я останусь верен себе и продолжу глупо шутить».

– Какой же ты клоун.

Костя рассмеялся.

– Потому и не женат. Не намерен прогибаться! И не стану!

– Прекрати. А то уйду.

Карина, сама испугавшись своих слов, резко замолчала. Костя напряжённо вслушивался в неё, но девушка умолкла, даже дышать стала тише; как будто в многоэтажке среди ночи разом погасли все окна, и дом растворился в беззвучном городском небе.

– Я последнее время боюсь звездного неба.

Он специально искал в голове какую-то нетривиальную мысль, и сооружал фразу-катализатор, но Карина промолчала. В этой неловкости и неудобстве Костя разом ощутил затекшие ноги и озябшую спину. Он выждал время и продолжил без её вопроса.

– Там ведь есть кто-то. Это уже не просто предположение. Выкладок много, и весьма убедительных теорий. И когда думаешь, что всё, что писал Бредбери и Стругацкие не такая уж фантастика, становится тоскливо. Оттого, что я этого не застаю. Что фактически «рано или поздно» при нынешнем состоянии дел – звучит, как «не в этой жизни». С другой стороны, мечтать о новых планетах, когда свою-то нормально не посмотреть, – это ещё грустнее.

– Я замёрзла, – Костя мысленно поблагодарил её за деликатность. Монолог и впрямь вышел унылым.

Костя сдвинулся назад, смежив их спины.

– Так будет теплее, – сказал он и просительно добавил, – Не хочу уходить.

Спина Карины была удивительно горячей, и он прогнулся и расправил плечи, стараясь соприкоснуться с ней как можно шире. Интересно, его тепло она ощущает так же?

Скоро похолодало ещё сильнее. На этот раз Карина ничего не сказала, но Костя отдал ей свою куртку.

– Может, просто пойдем?

– Есть идея получше, – он спрыгнул с камня. Затёкшие ноги не слушались, и он едва не сломал лодыжку. – Разведём костёр.

– А если будут ругаться? Всё-таки, мы на территории пансионата...

– Ну... мы повинимся, раскаемся и пообещаем больше так не делать.

По поляне заплесал свет фонаря. Через пять минут Костя с видом знатока тщательно укладывал мелкие хрупкие ветки «колодцем».

– Нам бы ещё бумажку какую-то, – он обернулся на Карину. Та протянула ему салфетку носового платка.

Через минуту огонь установился и Костя стал ломать в него толстые сучья.

– Так значительно лучше, – Карина нагнулась и протянула руки к огню.

– Давно надо было. Не хотелось портить пейзаж.

Карина огляделась – огонь высветил небольшой круг поляны, но за границами круга темнота стала гуще, отменив весь остальной мир.

– Очень красиво. И тепло.

Костя сидел на корточках у самого огня. Карина сторонилась пахучего едкого дыма.

– Тебе не холодно?

– Нет. А тебе?

– Лицо и колени горят, а спина мёрзнет.

Карина подошла сзади, прижала ноги к его спине. На замёрзшую спину словно вылили ковш сильно теплой воды. По коже пробежали мурашки. Костя слегка откинулся на Каринины ноги, как на спинку кресла.

– Спасибо.

– А я вот всегда несколько раз в жизни сидела у ночного костра. Детство в городе. Никаких пионер-лагерей, походов и дач. Раз в год – на море.

Костя промолчал и снова удивился сам себе.

В его жизни были сотни ночных костров, и он мог бы часами выуживать трогательные воспоминания, выстраивая образ романтика-походника, но он молчал.

– Мне было лет пять-шесть. Родителей позвали отмечать папин выпуск из училища – не то, чтобы я помнила, они мне потом рассказали, – а меня не с кем было оставить. И мы поехали куда-то в лес. Этот старый жёлтый автобус. Мне долго ещё казалось, что он наш. Потому что там была только родительская компания.